

Владимир Алейников

НАПЕВ БОЖЕСТВА

* * *

В киммерийском раздолье, чей лад –
Сущий клад, Божий сад, рай и ад,
Больше – всё-таки рай, ибо в нём
Реже страхи да игры с огнём,
Чем в былые года, с их бедой,
С их полынной звездой над водой,
С их упрямством, достойным похвал,
Ибо выжил и связи не рвал
Ни с отчизной, ни с верой своей,
Скиф, скиталец, певец, Водолей,
Ни с любовью, что всюду права,
Ни с надеждой, чьи помню слова,
С их волшбой и мольбой на холмах,
С их разбродом в домах и в умах,
С их тоской, с карнавалом химер,
Где кошмары, мечтам не в пример,
Настигали ночами в пути,
Дабы понял, куда мне идти,
Прорываясь вперёд или ввысь,
Напрямик, сквозь авось да кабысь,
Через морось бесчасья – иглой,
В глушь, где глиной, смолой и золой
Сдобрен смысла подспудного пласт,
Где простор никого не предаст,
Где покой вслед за волей встаёт
И хорошее что-то поёт
В киммерийском укроме, в тиши,
Где спасеньем, небось, для души,
Станет речь, потому что лишь с ней
Крепнет дух средь седеющих дней.

Никогда уж не встретишь отныне
Ты наивности в тех гордецах,
Что остались, как тени, в пустыне
И ушли из гордыни в сердцах.

Нет в помине весёлого звона
От капелей и вешних ручьёв –
Лишь одно в этой жизни бессонно:
Вековое рождение слов.

Роковому явлению дали
Ты название вряд ли найдёшь –
Потому понимаешь едва ли,
Где бываешь и где ты идёшь.

Как же выразишь то, что, сбываясь,
Позволяет взглянуть и постичь?
Если ведаешь, весь раскрываясь,
То не выдашь – ещё возвеличь!

Величава молчания вежа –
В ней ведь тоже таятся гонцы
И в тумане томятся – понеже
Не упрятаны в воду концы.

В мире влаги мятежной довольно,
Чтобы путь избирать по волнам –
И поэтому так произвольно
То, что вольностью кажется нам.

Ни за что уж не скажешь, откуда
Возникает напев Божества
Для рождения нового чуда,
Где давнишняя вера жива.

Любовь, зовущая туда,
Где с неизбежностью прощанья
Не примиряется звезда,
Над миром встав, как обещанье
Покоя с волею, когда
Уже возможно возвращенье
Всего, что было навсегда,
А с ним и позднее прощенье.

Плещась листвою на виду,
Лучась водою, причащённой
К тому, что сбудется в саду,
Что пульс почует учащённый
Того, что с горечью в ладу,
Начнётся крови очищенье
И речи, выжившей в аду,
А там и новое крещение.

Все вещи всё-таки в труде –
Не предсказать всего, что станет
Не сном, так явью, но нигде
От Божьей длани не отпрянет, –
На смену смуте и беде
Взойдёт над родиною-степью
Сквозь россыпь зёрен в борозде
Грядущее великолепье.

Звёзды мерцают над садом и кровом –
Нечего ждать от юдоли,
Кроме сиянья – не славы ль над словом? –
Надо бы сдержанней, что ли.

Как бы подняться и разом укрыться
Там, в этой бездне алмазной?
С кем бы обняться и где бы забыться
Здесь, в темноте безотказной?

Где безопасней и где беспокойней –
Здесь ли, где гаснет преданье?
Там ли, где явь, пусть земной и достойней,
Словно сплошное гаданье?

Некуда плыть мне и некого помнить
Там, в Океане Сварожьем, –
Надо бы сердце надеждой исполнить
Здесь, над степным бездорожьем.

Надо бы душу сберечь напоследок –
Век не ведёт к покаянью, –
Батько мой Орий, старинный мой предок,
Встань за незримую гранью!

Вряд ли когда-нибудь вновь повторится
Путь, что вдали остаётся, –
Всё, что не вправе врагам покориться,
Кровным родством отзовется.

* * *

О Родина, ты – речь моя и воля,
Что – время для тебя, что – ворожба?
Грущу ли я, бродяжу ль в Диком Поле –
Я знаю: это песня и судьба.

Вороний грай ли в небе раздаётся,
Пчелиный рой ли вьётся над землёй –
Они твои, – и в сердце остаётся
Одна лишь явь, чья тайна – образ твой.

Любовь жива. Скажи, не потому ли,
Что сердце отовсюду рвётся к ней,
Акации цветут – в жару, в июле, –
Цветут они над юностью моей.

Ближе к полуночи ветер шумит
Тёмной листвою сплошною,
Сердце тревожит и душу томит –
Что это нынче со мною?

Всё это – память, и с нею срослась
Речь мироздания сквозная,
В кровь просочилась и ввысь унеслась,
Ждать ли ответа, не зная.

Где почувствуешь: дорог вдвойне,
Хоть и мучил, бывало,
Этот отзвук – и встал в стороне,
Посредине развала
Дождевого – и врос, как тогда,
В отраженья живые
Этих песен, где всё – навсегда
И как будто впервые.

Что-то сдвинулось где-то внутри,
Под уклон покатилося,
Отряхнулось, зажгло фонари
И к тебе обратилось,
Что-то сердце иглою прожгло,
Да и горло пронзило,
Словно там, где любви не нашло,
Никому не грозило.

Позабыть бы о смутах людских
Сквозь душевную смуту,
Говорить бы ещё о таких,
Что бледны почему-то,
Продышать бы во мраке глазок,
Проторить бы тропинку
До поры, что стряхнёт на висок
Золотую крупинку.

Потому-то и медлит число
Появляться за словом,
И с луною бывшее вошло
Над укладом и кровом –
И в сознание вошло, наравне,
С непогодой летней,
С этой гостьей, знакомой вполне
И отнюдь не последней.

* * *

Смутные годы пройдут чередой,
Встанет стеною камыш над водой,
Вскинутся своды
Храмов зелёных и синих высот,
Зримых тому, кто придёт и спасёт
Сердце природы.

Бред растворится в закатном дыму,
С плеском рассветным уйдут за корму
Прежние беды, –
Что впереди, за звездою двойной?
С вестью небесной и грустью земной –
Новые Веды.

* * *

Новое слово, сияние странное,
Чаянье скрытное, веянье тёмное,
Граянье смутное, пенье туманное,
Сходство подспудное, чувство бездомное.

Что за виденье и что за гадание
Там, за мостом, за тоскою осеннею?
Нет ни забвения, ни оправдания –
Всё для страдания и во спасение.

Что за сиротство под веками прячется?
Что за родство прозреваем печальное
С тем, что в листах календарных не значит,ся,
С этой мольбою, с волшбой изначальной?

Невыразимое! – вновь оно связано
Верю кровною, властью случайною
С этой порою, где всё уже сказано,
Чтоб отозваться любовью и тайною.

* * *

В отражённых толпясь лучах,
Начинает листва кружиться –
И огонь разожгли в печах,
И с печалью никак не сжиться.

Ну а после – тоска заест,
Одолеет хандра глухая,
Коль не видишь садов окрест,
Что шумят, ввечеру стихая.

Если выйдешь во двор пустой,
Постоишь, отходя невольно
От всего, в чём силён настой
Дней – таких, что и вспомнить больно,

То поймёшь, почему ты здесь
Оказался – и в чём защита,
Чтобы ты встрепенулся весь,
Точно всё пред тобой открыто, –

И услышишь сквозь гул впотьмах,
Сквозь туман, заходящий с моря,
Некий голос – и свет в домах
Загорится, напеву вторя,

И звучанье сплошное, в рост
На руинах бывшего лета
Поднимаясь, дойдёт до звёзд –
И вдали отзовется где-то.

Темноты чураясь поневоле,
Постоим у старого крыльца,
Избавляясь исподволь от боли,
Тяготившей души и сердца.

Мы под лампой сгрудимся устало,
Потеснив друг друга в тишине,
Поднимая лица запоздало
К заплутавшей в зарослях луне.

Мотыльков прозрачною пылью
Будет сад, как снегом, занесён,
Шелестящий плотною листвою,
Говорящий что-то, как сквозь сон.

Милый двор с навесом виноградным,
О своём бормочущий опять,
Добрый дом с укладом невозвратным, –
Ах, об этом нам ли не вздыхать?

Весь наш путь – немалые потери,
Обретенья ждали мы давно –
Отворим же створчатые двери,
Распахнём знакомое окно!

Русским духом пахнет здесь недаром –
Так вернём же память о родном,
Воспарять способную к Стожарам,
Но живую в кровном и земном.

Весть – для счастливых, грусть – для цыган, –
В шелесте лет уходящих,
Чьё отчужденье – сон и туман,
Есть пробужденье для спящих.

Вот она, воля, – вот и покой, –
Иней прозрачен и чуток,
Времени – течь над воздушной рекой,
С ним и сейчас не до шуток.

В дом ли войду, где коричневый чай
В чашках беспечно дымится.
Выйду ли в поле – пойму невзначай:
Жизни пронзительной – длиться.

Нет умиранья ни свету звезды,
Ни заповедному зову –
То-то огни у зальделой воды
Взвиться в пространство готовы.

Есть неизменных дум семена
В почве столетья родного,
Есть, неизбежна, словно весна,
Вечность – для русского слова.

п. Коктебель, Крым